

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

КРЕСЛО ВОЛЬТЕРА

Екатерина Осиповна была из самых коренных жителей Дома – она въехала в него в год его заселения, в 1954 году. Долгие годы жила в четвертом подъезде, на пятом этаже, в огромной коммунальной квартире №71, в которой она занимала центральную комнату, по габаритам и устройству напоминающую зал: стеклянные большие двери, лепной потолок, два окна во всю стену с видом на Комсомольский проспект, четкий прямоугольник четырех стен. Прямо напротив ее окон через дорогу возвышался новейший корпус Пермэнерго, и это по-своему было замечательно: вечером, когда Пермэнерго сияло своими подсветками, в комнате Екатерины Осиповны поселялся великолепный полумрак, огни Пермэнерго «ходили» по комнате причудливыми бликами, создавая нездешний романтический колорит. В него-то и вписывался знаменитый вольтеровский интерьер и дух этой необычной комнаты: посредине большой старинный стол в окружении шести кресел из эпохи Вольтера, антикварные книжные шкафы, массивные кресла XVIII века, часть комнаты слева отгорожена раритетной ширмой, за которой находилась спальня бабушки, свекрови Екатерины Осиповны, Любви Давыдовны.

Я любила забегать в этот дом попозже, когда на улице зажигались огни и когда комната начинала жить в двоимирии: далекий вольтеровский век в полутенях музейной мебели, покой и ожившие знаки ушедших эпох – и вплотную огни проспекта за окном, шелест троллейбусов по асфальту, гудки автомобилей. Вот с этим ощущением жилища Екатерины Осиповны у меня было связано и восприятие ее самой: женщина, несущая в себе (и собой!) неведомую нам культуру, и женщина, вписанная прочно в сегодняшний день. В ней было равновесие веков, культур, границ, стилей. Помнится, она всегда употребляла глаголы второго спряжения по модели первого: они любят, они чистют, они дружат; говорила с неповторимым французским прононсом, обладала речью изысканной, точной, не затруднялась с крылатыми цитатами и афоризмами, если подворачивался подходящий случай. Однажды она

париновала полупьяному соседу, жалующемуся ей у лифта на домашние дразги: «Ты этого хотел, Жорж Данден». Не знаю, что чувствовал в этот миг «Жорж Данден», но, очевидно, от самого факта неожиданной причастности к чему-то непонятному он вдруг примирился с судьбой и замолк. Этот культурный шарм, внутренний изыск был в Екатерине Осиповне всегда, но всегда были и демократизм, открытость, простота. Молва приписывала ей Сорбоннское образование, которого, судя по рассказам сына, чьи воспоминания еще будут представлены в этом тексте, все же не было. Но, как ни странно, это для окружающих ее людей было неважно, потому что Сорбонна – как критерий культуры, воплощение ренессансного духа, знак глубокой образованности – была личностно явлена в Екатерине Осиповне. Это была органика, заложенная от рождения, укрепленная воспитанием, помноженная на тяжкий опыт жизни. Как пишет З.В.Станкеева, «Екатерине Осиповне выпал на долю «счастливый билет» родиться в семье русских интеллигентов, где высоко ценились духовно-нравственные жизненные начала: трудолюбие, выполнение долга перед народом своим и обществом. Сама Екатерина Осиповна особо выделяла роль горячо любимой матери, в молодости закончившей известные своим демократизмом «бестужевские курсы» и активно трудившейся на ниве просвещения. Семейное воспитание плодотворным образом сказалось на формировании личности Екатерины Осиповны, характера сильного, независимого, творческого. Семья предопределила стойкий интерес к знаниям, русской и зарубежной культуре в частности. Как потом выяснилось, сформированные семьей личностные качества Екатерины Осиповны помогли ей выстоять в трудных условиях жизни и сохранить верность выбранному пути».

Екатерина Осиповна была человеком огромной силы духа, не сломавшимся в горьких испытаниях, не отчаявшимся, не жалующимся, не приbedняющимся – дворянка, аристократка. Она и внешне несла это достоинство: всегда ходила с абсолютно прямой спиной, шла очень

быстрой и энергичной походкой, одевалась чрезвычайно скромно, но со вкусом и пониманием минуты. Была привязана к одним и тем же вещам в одежде; помогая сыну и его семье, ничего не покупала себе.

«Помню, как кафедральные женщины просто заставили ее купить материал и сшить новую юбку, – вспоминает Елена Николаевна Полякова. – Одевалась она «академически»: блузка, юбка и жакет или шерстяная кофточка. Очень долго у нее были длинные волосы, которые на затылке заворачивались в узел. Когда узел превратился в совсем седой узелок, ее уговорили подстричь волосы. Ей очень шла стрижка». Екатерина Осиповна обладала прекрасным чувством юмора и вообще была очень смешлива. Совершенно бесподобно рассказывала новости о том, как растет внук Митька, какие задает вопросы, какие проделки устраивает. Вообще семья Саши (сына Александра Яковлевича), созданная в начале 60-х годов, и особенно рождение внука Дмитрия (Митьки) закрыло весь житейский горизонт Екатерины Осиповны. Е.Н.Полякова вспоминает: «Наши с Е.О. разговоры крутились вокруг Сашиной семьи, и у нас была своя лексика для этих разговоров: Бэла, Саша и Митя назывались «гаврики» (Е.О. говорила: «Звонили гаврики»). Откуда это пошло, не помню. А Галина Кузьминична (мать Бэлы), у которой с Екатериной Осиповной были очень хорошие отношения, называлась «бабариха» (из Пушкина: «сватья баба Бабариха»)). Я знала семью Саши лично, потому что была подругой Бэлы. Это была красивая, счастливая пара, жившая в любви, доверии, радости. Действительно, сошлись две замечательные культурные среды: книжный мир обожаемого Екатериной Осиповной XVII века и театральный мир родителей Бэлы (отец Н.Н.Рославлев – известный театральный режиссер, мать Г.К.Васильева – видная актриса пермского театра драмы. Саша был талантливым физиком, уехал в Москву поступать в аспирантуру к самому Ландау; Бэла, прелестная женщина, умница, театралка, уехала к нему и очень быстро стала стопроцентной москвичкой, стильной, элегантной, заметной деятельницей ВТО. Когда родился Митька, ставший центром обеих семей, у Екатерины Осиповны появился московский дом, куда она рвалась всей душой и при первой возможности ехала (или летела) к своим «гаврикам».

После смерти бабушки – Любови Давыдовны – Екатерина Осиповна заметно осиротела, не стало человека, которого она оберегала и который, несмотря на очень почтенный возраст (в 60-е годы ей было за 80 лет), вел хозяйство и держал дом: от Екатерины Осиповны, вечно бегущей после работы по магазинам в поисках продуктов, можно было слышать: «Бабушка просила купить сметану», «Я опять не могу найти нужную бабушке вермишель», «Сегодня у нас куриный бульон, и бабушка заказала рис». Любовь Давыдовна была в те годы самым старым человеком в подъезде и пользовалась у всех нас почтением и почетом. После ее ухода Екатерина Осиповна начала тяготиться своей огромной осиротевшей комнатой и вскоре переселилась на второй этаж в небольшую комнату в квартире, где жила очень большая и дружная семья Малеевых. У этих добрых и сердечных людей Екатерина Осиповна чувствовала себя уютно и надежно.

Старинная дворянская культура, носительницей которой она была, проявлялась иногда довольно непривычно

(по меркам традиционной советской жизни). Она, например, мгновенно краснела... за другого человека, его глупость, дерзкое слово не к месту, нарушение этикета. Я была ее студенткой и отлично помню, как ее на экзаменах и зачетах «заваливали» изумительными по изобретательности откровениями. Один сообщал с апломбом, что автором новеллы «Кармен» является Мэри Мэ, у другого Дон Кихот смело въезжал в Телемское аббатство, и въезжал он туда на своем боевом коне Ренессансе, третий утверждал, что Тур Хейердал – это африканское племя, для четвертого нимфа и дофин – одно и то же, кто-то переводит «Notre dam de Paris» как «вдали показалась наша дама из Парижа». Выслушав эту несусветную чушь, Екатерина Осиповна краснела до корней своих седых волос и в растерянности только повторяла: «Помилуйте, как это может быть?». Но она была по натуре смешлива и добра, и когда «остроты» били через край, она от всей души смеялась и беззлобно говорила: «Ну и что же будем делать с вами, голубчик?» Краснея, оценку, как правило, ставила и с Богом отправляла на волю и лишь в редких случаях советовала «уточнить данные» и зайти к ней еще раз. Это была невозможная сегодня культура стыда, когда неловкость за другого доставляет душевную боль, страдание, но не раздражение, не желание унижить и за этот счет самоутвердиться и возвыситься.

Она была, в принципе, человек толерантный, широкий и все понимающий. В 1960-е годы она заведовала межфакультетской кафедрой иностранных языков, на которой работало 60 преподавателей – и все женщины! Это была единственная такая кафедра – не только самая большая, но и самая сложная: столько характеров, капризов, нюансов! Екатерина Осиповна мастерски вела этот перегруженный корабль. Педагогическую тактику Екатерины Осиповны выразительно характеризует рассказанный З.В.Станкеевой эпизод: «Своего превосходства по отношению к преподавателям факультета Екатерина Осиповна не только не подчеркивала, она его скорее притупляла, давая понять другому, что у него есть свои достоинства. Эта «тактика» в свое время окрылила и меня. После одной из лекций я в дверях столкнулась с Екатериной Осиповной, и она с ободряющей лукавинкой сказала: «А я, как видите, подслушивала!» и тут же в коридоре, экспромтом выдала совершенно оригинальный отзыв на услышанную часть моей лекции, в которой предлагался анализ «Моцарта и Сальери» в качестве иллюстративного материала к теме «Композиция литературного произведения».

Сама Екатерина Осиповна, кроме иностранных языков, прежде всего немецкого и французского, которыми владела в совершенстве, читала на филологическом факультете курс зарубежной литературы. Это был фейерверк ума, образованности, вкуса, стиля. Из всех «зарубежников», прошедших в разные годы через филфак, с ней мог сравниться только Л.С.Гордон, очень недолго поработавший почасовиком, и, много позже, Н.С.Лейтес, которые по эрудиции и блеску лекторского мастерства представляли подлинно университетский уровень.

Занятие иностранными языками и литературой спасало Екатерину Осиповну от прямого участия в идеологических проработках и преследованиях, перманентно происходивших на университетском филфаке. Но это не

ослабляло ее гражданской позиции, которая всегда была четкой и прогрессивной. «Левые» пристрастия, никогда не получавшие открытого публичного выражения (слишком много и незаслуженно была в молодости бита), вызывали в ней сочувствие к тем, кто подвергался партийному «разносу», идеологическому гонению, преследованию. Тут она протягивала руку – буквально и метафорически. Вспоминаю небольшой, но показательный эпизод из бурной жизни филфака конца 60-х годов, когда мишенью очередного «удара» оказалась Рита Соломоновна Спивак. Крут близких людей вокруг нее резко тогда сузился: небезопасно было солидаризироваться. И вот однажды мы спускаемся с Ритой по широкой центральной лестнице второго корпуса. Настроение угнетенное. Навстречу вдруг выходит Екатерина Осиповна и столь же неожиданно для нас останавливается, очень твердо перехватывает Риту за локоть и говорит: «Позвольте пожать вашу мужественную руку». Жест настолько впечатляет, что мы не сразу понимаем, о чем речь: ведь Екатерина Осиповна не была в эпицентре событий, но... гражданская совесть не ждет приглашения к диалогу, не запаздывает с соболезнованием, не бежит от «чужного». Мы с Ритой были в восторге от этой человеческой малости, которая по тем временам дорогого стоила. И вспомнила я, как много раньше Бэла рассказывала мне эпизод из молодости Екатерины Осиповны: они с матерью ехали в Крым лечить ноги, но из-за гражданской войны пришлось надолго задержаться в Киеве; шли еврейские погромы, и они с матерью прятали у себя соседских еврейских детей. Если факты сопоставить, то нетрудно увидеть, что цепочка тут одна, что линия жизни не давала зигзагов. Гражданская совесть и гражданская определенность были в ней корневые, и она недаром гордилась тем, что по матери была «из тех самых Раевских». Другая ветвь родословной – по линии отца – уходила корнями в старую культуру Петербурга. Екатерина Осиповна была очень предана этому городу и всегда называла его Питер. На стене в ее большой комнате висел весь длинный «Невский проспект» Садовникова; она любила вспоминать случай из детства: она девочкой едет кататься по Петербургу в коляске с тетей Олей (родной сестрой отца) и удивляется, что проходящие и проезжающие постоянно приветствуют тетю – знаменитую балерину Ольгу Преображенскую.

Екатерина Осиповна безгранично любила сына, гордилась им, всем сердцем приняла его замечательную жену, с которой у нее всегда были взаимные глубоко уважительные и сердечные отношения; появление внука обогатило ее жизнь новым смыслом, и маленький Митька (так он по любовному звался в нашем кругу) дал ей столько любви и радости, что все приходящие огорчения переживались легче и спокойнее. Мне удалось найти Александра Яковлевича, который продолжает жить в Москве вместе с сыном, и на мой призыв рассказать о Екатерине Осиповне он откликнулся воспоминаниями, проливающими свет на личность и судьбу матери. Я привожу их целиком, ничего не меняя и не сокращая.

Екатерина Осиповна (Иосифовна) Преображенская родилась в дворянской семье в Санкт-Петербурге, на Петроградской стороне, на небольшой улице Плуталовой в 1904 году и прожила до 18 лет у своих родителей, Осипа Осиповича Преображенского и Екатерины Михайловны

Раевской, в двухэтажном, деревянном, расположенном в глубине сада доме, сохранявшемся до начала блокады, во время которой он, по-видимому, был разобран на дрова. Осип Осипович до революции служил в банке. Был близок с «мирискусниками», особенно с К.Сомовым. Любил охотиться, и охотничьи собаки сопровождали мамино детство.

Школьное время Екатерины Осиповны проходило в немецкой Петершule. Школьные подруги Екатерины Осиповны, впоследствии пережившие блокаду, замечательные женщины: Н.И.Бутова – поэтесса, член секретариата Союза писателей, М.В.Ребок – ведущий библиограф библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, Л.Н.Зубова, бесстрашно ходившая во время войны на подлодке в качестве переводчика. Они рассказывали мне о пережитом, когда я навещал их во время ленинградских командировок в 80-90-е годы.

В начале революции у Екатерины Михайловны обострился костный туберкулез, и врачи рекомендовали ей поехать на юг, на воды. Мама рассказывала мне, как она девочкой с больной мамой, передвигавшейся на костылях, пробиралась через охваченную гражданской войной страну, отдельные области которой переходили то к белым, то к красным, то под власть различных банд и атаманов. Стрельба, пожары, страдающие и гибнущие мирные люди и на всю жизнь запомнившиеся картины разорения и запах горелого человеческого мяса.

Вернувшись в Петроград и окончив школу, Екатерина Осиповна одновременно поступает в Педагогический институт и в Институт истории искусств, куда её приняли после небольшого собеседования, отметив хорошее знание немецкого и французского языков. Екатерине Осиповне сразу хотелось узнать многое, и она ходила, помимо обязательных занятий, на лекции Н.Я.Марра по языкознанию, на диспуты, посвященные «Тайной доктрине» Е.П.Блаватской, на многие другие собрания, а также увлеклась богоискательством. Это последнее устремление, «неправильное» с точки зрения надзиравших органов, привело к аресту восемнадцатилетней Екатерины Осиповны и отправке её, по ироничной терминологии мамы, на «курорт». Этот «курорт» складывался из пребывания Екатерины Осиповны в тюрьмах, «пересылок» из одной в другую и ссылки к исходу 20-х годов в село Колпашево Томской области.

Свои ощущения от жизни в селе Колпашево примерно в это же время описывает известный поэт Н.Клюев в письмах оттуда, опубликованных не так давно в журнале «Новый мир». Как это часто бывает на «курортах», у моих будущих родителей в сузальской тюрьме завязался посредством перестука – тюремного телеграфа – такой специфический роман. Визуальное и прочее знакомство произошло много позже, так как «курортная» эпопея отца продолжалась в Казахстане.

«На воле» в это время скончалась мама Екатерины Осиповны Екатерина Михайловна, похороненная в 1925 году на лютеранском Смоленском кладбище мудрым Осипом Осиповичем, рассудившим, что у них, лютеран, порядка больше, чем у нас, православных, и оказавшимся глубоко правым. Благодаря его провидению через 70 лет после смерти бабушки я нашел ее могилу, сохранившуюся в ходе весьма неспокойного времени, богатого социальными и

военными катаклизмами.

Сам Осип Осипович исчез в начале 30-х годов. Исчез, потому что ни семья архитектора Крестова, снимавшая в то время второй этаж в доме Осипа Осиповича, ничего не знала, и, может быть, даже боялась узнавать что-либо об исчезнувшем в то очень сложное в Ленинграде время, ни тем более ничего не знала сестра Осипа Осиповича, Ольга Осиповна Преображенская, ведущая (наряду с М.Кшесинской) балерина Мариинского театра оперы и балета, жившая тогда уже в Париже.

Ольга Осиповна окончила свои дни во Франции, где вела, по слухам, до последних дней балетную школу, и похоронена, приблизительно в 60-е годы, на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, о чем я узнал из телевизионной передачи по одному из каналов, посвященной посещению этого кладбища В. В.Путиным, упомянувшим среди других людей и О. О.Преображенскую.

В Колпашево Екатерина Осиповна жила среди других ссыльных и, в частности, дружила с Е.К.Кавтарадзе, бывшей в Грузии при Ное Жордания секретарем ЦК комсомола и дочерью той, к которой в свое время сватался И.В.Джугашвили.

В 1931 году родился я, а через десять месяцев моим родителям разрешили переехать в город Пермь. После ссылки разрешалось селиться только в определенных местах, и Пермь была выбрана родителями, поскольку там уже жили бывшие ссыльные и они могли помочь с первоначальным устройством на новом месте.

Сколько я помню, мы жили в Перми в двухкомнатной без кухни квартире в двухэтажном доме по улице Луначарского, №92. В Перми в то время были, кажется, только два детских сада. Поэтому я рос дома под надзором сначала няни Егоровны, а потом и приехавшей в 35 – 36-м годах бабушки Любы, Любови Давыдовны, полной, своеобразной, любимой. Родители искали-находили работу, часть которой делали дома. Мама делала переводы для университета, а папа составлял и рассчитывал строительные сметы.

Отец, Яков Михайлович Пик, родом из города Херсона, к началу революции прошел три курса Харьковского технологического института. В 18-м году отец воевал на стороне революции под Каховкой, но примыкал к меньшевистскому крылу РСДРП, что позднее, вероятно, стало причиной его арестов. Свой брак родители регистрировали где-то в Казахстане, где человек, делавший официальную запись, объявил им, что не знает отчества «Осиповна», и поэтому мама стала «Иосифовна».

Приближался 37-й год, и мои опытные родители, опасаясь за меня и бабушку Любу, отправляют нас в Калинин к сестре отца, Доре Михайловне. Тетя Доля приняла нас, и мы прожили у нее больше года. Пока мы жили у тети на берегу речки Тьмаки напротив текстильных фабрик «Вагжановка» и «Пролетарка», гудевших на всю округу, в Перми арестовали отца, а мама с узелком вещей у кровати ждала каждую ночь, что и ее «возьмут».

Когда мы вернулись в Пермь, у меня началась другая жизнь. Во дворе ребята «мерялись» отцами: сидит он или не сидит, давно ли сидит, какой у него срок и т.д. В это время Екатерина Осиповна уже работала на кафедре иностранных языков, которой заведовал Н.П.Обнорский. Она также подрабатывала, где только могла, чтобы про-

кормить нас и отцу на передачи заработать. Занятая с утра до ночи, мама постепенно делала меня своим помощником и собеседником, объясняя мне причины и следствия происшедшего; она рассказывала о бабушках и дедушках, объясняла, о чем можно говорить вне дома и каких тем следует избегать. Подрастая, я осознал мамины слова; в отсутствие телефона был маминым курьером.

В университете мамины дела, по-видимому, складывались неплохо, так как в 1939 году Екатерина Осиповна была направлена делегатом в Москву на вузовское Всесоюзное совещание преподавателей иностранных языков. В начале 1940 года, после двух лет заключения, освободили отца «в связи с прекращением следствия по его делу ввиду отсутствия улик». Как тогда говорили в народе – отец отсидел за фамилию. Отец много чего знал, и я помню, как мы ходили с ним теплыми вечерами на берег Камы, где он рассказывал мне про пароходы и баржи, проплывавшие по реке. Он рассказывал мне про паровозы и вагоны, проходившие под откосом высокого берега, а также про звезды на небе, свет от которых мчит из громадного далека.

Наступил 41-й год, и шел, как будто ничем не выделяясь. Но 22-го июня, в выходной день, когда мы всей семьей возвращались после просмотра кинокартины «Таинственный остров», мы услышали на улицах из репродукторов сообщение о начале войны с Германией. Через месяц-два в город начали приезжать эвакуированные, которых остряки стали именовать «выковырянными». К нам тоже приехали тетя Рита с Юркой и тетя Рая с Жанкой и грудной Светкой. И нас в квартире стало девять.

В ноябре предупредили о возможности авианалета. Заводы переходили на выпуск военной продукции вместо сепараторов, велосипедов и др. Прибывали эвакуированные предприятия. Пермь в это время уже была городом Молотовом, и отец стал работать в «Молотовугле». В город ненадолго переехал Ленинградский театр оперы и балета им. С.М.Кирова, и однажды приезжала танцевать Г.С.Уланова.

Кажется, в 43-м году Екатерину Осиповну вызвали в «контрразведку» и предложили поехать в штаб армии переводчиком, однако затем пересмотрели этот вариант, и мама стала готовить вместо себя молодую Аду Шмонину. Отца два раза призывали в армию и дважды отзывали по ходатайству предприятия, где он руководил строительством и четырем совхозам. У бабушки образовался тромбофлебит, и мы возили ее на детских саночках в больницу и обратно, в связи с чем она ворчала: «Какие ноги были, а теперь колоды!» В доме не говорили «ножки». «Ножки», по словам мамы, это у стульев.

Еду в доме готовила только бабушка. Готовила вкусно и интересно, а так как я постоянно крутился около, то ее объяснения по ходу готовки сохранились в памяти и помогают мне до сих пор. В сшитых бабушкой ковбойках я ходил до университета. В доме всегда было много книг. Очень хорошие книги родители свезли в городскую библиотеку перед 37-м годом, чтобы не пропали, если «возьмут», и из-за денег. Эти книги, вместе с сохраненной Крестовыми мебелью из дома родителей Екатерины Осиповны привез отец, специально за ними съездивший в Ленинград. Позднее книги снова накапливались в доме и отцом, любившим заходить в книжные магазины, и мной,

унаследовавшим это увлечение. Много читавшая бабушка предпочитала современную литературу, а относительно содержания книг старых мастеров иногда замечала: «А, это старое... Это я знаю...».

Отец умер от инсульта в один день в декабре 1957 года, когда бабушке был 81 год. Я приезжал на похороны и пробыл дома около месяца. В горе ни мама, ни бабушка не нуждались в помощи. Они справлялись сами, каждая по-своему, и в значительной степени независимо. Каждый день они поднимали себя и делали то, что считали обязательными делать с благожелательностью друг к другу и окружающим. «Кате надо приготовить... надо немножко испечь... сварить варенье для Сашеньки и др.». – бабушкины дела и заботы до самой кончины на 92-м году жизни, к которой она, казалось, тоже пришла осознанно.

...Последним человеком из пермского окружения Екатерины Осиповны, который общался с ней незадолго до ее кончины, была Елена Николаевна Полякова. Она рассказывает:

«Екатерина Осиповна любила ходить и много ходила, хотя и ездила в университет на 5-м трамвае. Но в конце жизни у нее, как и у мамы и бабушки, болели ноги. Мы виделись с ней в последний раз в 1984 г., она жила у Шаши, очень болели ноги, не могла ходить, а Белка в это время уже лежала в больнице в очень плохом состоянии у нашей соклассницы Дины Вараксиной в Зеленограде. Я приехала в августе в Москву, позвонила Белке, Саша сказал, что ее положили на обследование, а через не-

сколько дней поставили страшный диагноз. О чем я узнала тоже по телефону от Екатерины Осиповны (Белка никого не хотела видеть, вернее, не хотела, чтоб ее видели в таком состоянии). Я тогда полтора месяца была в Москве, приезжала и к Екатерине Осиповне (она была человеком очень сильного духа), и к Белке в больницу. Саше менее чем за год пришлось выдержать очень много: болезнь и смерть Екатерины Осиповны, болезнь (и временное ее отступление) Белки, выписку Белки и в это время капитальный ремонт дома без выселения, собственную работу, ухудшение состояния Белки и ее кончину.

Именно Екатерина Осиповна воспитала Сашу очень стойким, мужественным, последовательным. Даже в это тяжелое время он не бросал свои тренировки, занятия спортом. Он говорил, что его многие попрекали этим, но именно тренировки продолжали держать его физически сильным, а это было необходимо, чтобы выдержать всю эту нечеловеческую нагрузку».

...Думая сегодня об этой семье, оживляя в памяти детали отношений, встреч, бесед, я вдруг понимаю, что самым ценным и дорогим для этих людей является верность – себе и друг другу. Однажды Екатерина Осиповна на чей-то вопрос, почему она снова не выходит замуж, ответила: «Разве это обязательно?». Однажды полюбив, Бэла и Саша навсегда остались вместе, однажды поверив, – сохранили верность, не разменяв ее...

Нина ВАСИЛЬЕВА